

ЮЛИЯ РЕЗНИК

ГОРЯЧАЯ ЛИНИЯ

18+

Юлия Резник

Горячая линия

«Автор»

2026

Резник Ю.

Горячая линия / Ю. Резник — «Автор», 2026

Варя психолог на горячей линии. В ее работе не так уж много правил, но она нарушает их все, когда влюбляется в клиента. Согласившись на личную встречу, она понимает, что Захар мужчина ее мечты. Взрослый, напористый, властный. Их роман развивается с головокружительной скоростью. Только Варя все чаще кажется, что Захар совершенно не тот, за кого себя выдаёт.

© Резник Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Юлия Резник

Горячая линия

Глава 1

– Вы позвонили на горячую линию неотложной психологической помощи! Здравствуйте, – на одном дыхании выпалила Варя в трубку и, рухнув в потасканное кресло на колесиках, по инерции откатилась к окну. Телефон зазвонил неожиданно. Когда она вышла из кабинета, чтобы наполнить чайник. Возвращаться пришлось бегом. Вот почему она задыхалась.

Пока на том конце связи молчали, Варя открыла тумбочку. Достала чашку с нарисованным пингвином – подарок сменщицы на Новый год, пачку растворимого кофе – порошковую бурду сотрудники Центра покупали по очереди, согласно графику, закрепленному на доске объявлений. Потянулась к коробке сахара-рафинада, но в последний момент отдернула руку и решительно захлопнула дверцу. Она обещала себе сесть на диету еще с Нового года, да что-то все никак не получалось. Хотя на носу уже был День Влюбленных, который бы ей не пришлось встречать одной, если бы она выполнила данное себе обещание. Варя стала бы тонкой и грациозной, как звездные блогерши. И такой же, как они, популярной.

Впрочем, мама Вари утверждала, что худая лошадь – еще не газель. Так что это тоже не факт. Варя тяжело вздохнула. Молчание в трубке затягивалось.

– Чем я могу вам помочь?

Варя зачерпнула гранулы ложкой, высыпала в кружку и, подумав, добавила еще. Кофе от этого лучше, конечно, не станет, но, может, хоть сон перебьет. В середине ночи бороться с сонливостью тяжелее всего. За год работы Варя это уже усвоила.

И снова ответом ей – тишина. Которая в данном случае была вовсе не знаком согласия, а скорее лишним поводом для беспокойства. С людьми, идущими на контакт, работать было намного проще. А с молчунами прямо беда. Обычно это были доведённые до отчаяния своим одиночеством люди, которым требовалось не так уж и много. Просто побыть с кем-то. Пусть даже в тишине. В ней ощущение сопричастности проступало как будто бы ярче. Но иногда среди них попадались и самые проблемные, самые надломленные люди. Надо было очень постараться, чтобы не только их отличить от других, но и разговорить, и помочь как-то.

– Наша беседа абсолютно анонимная, – поспешила заметить Варя, вспомнив, что большинство звонящих опасаются как раз огласки.

– Ха! В этом мире ничего анонимного не осталось.

Только-только восстановившееся дыхание оборвалось. Снова. И для этого Варе даже не пришлось бежать через весь коридор. За время своей работы она слышала сотни голосов. Разных... женских и мужских, грубых, дребезжащих от возраста и совсем детских. Каждый раз Варя вслушивалась в них очень внимательно, ведь это был единственный способ понять, в каком состоянии находится её клиент. А значит, единственный способ выстроить с ним правильную коммуникацию. Выбрать единственно верный тон. Это у психологов, ведущих «живой» прием, в арсенале полным-полно других инструментов, а у нее – лишь один! Например, если голос собеседника был заторможенным, Варя сознательно ускоряла свой голос, заряжая того своей энергией. А если человек был излишне эмоционален и экспрессивен, Варя, напротив, говорила намеренно медленнее, чтобы того чуть притормозить. Но в этот раз... Голос подействовал на нее так, что она растерялась. И сориентировалась далеко не сразу.

Голос позвонившего был определенно мужской. И такой... царапающий, что ли? Будто мужчина на том конце связи простыл и еще не до конца оклемался. По спине Вари поползли мурашки.

– Почему вы так думаете? – она облизала пересохшие губы.

– Потому что я стою на крыше, а на меня смотрит, по меньшей мере, три камеры. Я посчитал.

Суицидник! Варя отбросила ложку и вскочила со стула, не в силах оставаться на месте. Зажала трубку плечом, установила злосчастный чайник на подставку и щелкнула кнопкой.

– Что вы делаете на крыше в такую погоду?

Слава богу, она здорово поднатаскалась за последний год. Научилась самоконтролю. Так что, когда Варя заговорила, её голос прозвучал достаточно спокойно. Ничто не выдавало ее нервозности.

– Да так. Вышел проветрить голову. А ты что подумала? Ик...

Еще и пьяный! Вот почему ей показалось, что речь мужчины будто смазана ластиком. Жаль, причину поняла не сразу. Ведь то, что суицидник пьян, было одновременно и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что пьяному проблемы зачастую кажутся намного более серьезными, чем те есть на самом деле. Плохо – потому что дури человеку под мухой вообще не занимать.

– Ничего. Просто интересуюсь.

– Ага. Как бы не так. Решила, небось, что я сигать с крыши собрался?

– Нет, конечно. Ничего подобного.

– А что, – задумчиво протянул мужчина, – может, это и вариант...

Что же выходит? Это она его самоубиться надумала? Хороший же из нее психолог! Варя отбросила толстую косу за спину:

– Ни в коем случае!

– Почему? Ик... От меня небось и не останется ничего. Сколько здесь этажей? Ик... – спросил мужчина. – Шестьдесят три? Или четыре? Расшибусь, как будто и не было. Черт, у парашюта дует сильнее. И снег метет прямо в харю!

Интересно, насколько там высокие парашюты? А крыши на небоскребах чистят? Что, если он поскользнется и упадет? Где он вообще нашел небоскреб? В Сити? Разве там вот так запросто можно выйти на крышу? А как же техника безопасности? Варя зябко поежилась.

– Послушайте, думаю, вам лучше отойти от края.

– Зачем?

– Так вы ведь сами говорите, что дует. А вы и так, судя по голосу, серьёзно простужены.

– Да-а-а? Ик... не замечал! А вообще я с тех пор, как в том году утопился, простуживаюсь постоянно.

Ну, точно ведь суицидник! Но раз не утопился, и все еще жив, скорее, из тех, кто просто хочет обратить на себя внимание. Может, он и не на крыше вовсе. Им довольно часто звонят шутники.

– Давайте поговорим о том, что вас подтолкнуло к такому шагу. Но сначала отойдите от парашюта. А лучше вообще вернитесь в тепло.

– Я еще не решил. Может, сейчас и прыгну.

– Нет-нет! Послушайте, вы не должны этого делать.

– Почему?

– Потому что жизнь стоит того, чтобы ее прожить. Вы уж простите за тавтологию.

– И все? Это твой единственный аргумент? Чему вас только учат... – голос мужчины прозвучал по-настоящему разочарованно.

– Учат нас многому, – в глубине души Варя обиделась, но виду, конечно, не подала.

– Ну, не знаю... Может, толковые специалисты просто не идут в психологи по телефону. Это даже звучит глупо.

– Уверяю вас, в нашем штате трудятся исключительно компетентные специалисты. У многих своя частная практика. И здесь они помогают на добровольных началах.

– И ты?

Вообще-то им запрещено было говорить о себе, но чего не сделаешь, чтобы удержать суицидника от расправы над собой? Варя налила кипятка в чашку.

– Нет. Я – штатный психолог. Но, поверьте, у меня тоже высокий уровень квалификации. И практикую я не только здесь.

– А где еще? Ик...

– Я не могу говорить об этом с клиентами. Это запрещено правилами.

– Ага. Надо полагать, анонимность у нас со всех сторон.

– Не в этом дело. Просто имели место некоторые ситуации. Вы сошли с крыши? – сменила тему Варя.

– И не подумаю! Здесь красиво. Под ногами огни города. Правда, сейчас не видно ни хрена. Из-за снега. А у вас идет снег?

– Еще какой! Давно такой метели не было.

– Так что там за причины?

– А?

– К чему вам конспирация?

Похоже, суицидник оставил идею убиться прямо сейчас. Варя чуть перевела дух. Вернулась за стол и, прикрыв глаза, откинулась на спинку кресла.

– Понимаете ли, некоторые клиенты попадают в зависимость от психолога. Так что для всех лучше сохранять дистанцию. Лучше скажите, как я могу к вам обращаться?

– Захар Иванович я.

– Послушайте, Захар Иванович...

– Что значит, попадают в зависимость? А если бы я к тебе на прием пришел?

– Это другое дело.

– И в чем же отличие? Сама ведь говоришь, что квалификация у тебя не хуже. Так что, я по телефону могу попасть в зависимость, а при личной встрече – нет? Что за идиотские правила! И, кстати, ты не представилась.

– Можете звать меня Ольгой.

– А как тебя зовут на самом деле?

Ну, надо же. Пьяный-пьяный, а все равно как-то просек, что у них принято представляться вымышленными именами.

– Ольга.

– А если я захочу с тобой еще раз поговорить? – в трубке послышалось странное шипение, будто мужчина затянулся сигаретой. – Мне нужно будет попросить пригласить к телефону Ольгу?

– Нет. С вами поговорит тот специалист, что в данный момент свободен.

– То есть как это? А если у меня с тобой... – снова шипение, – образовалась доверительная связь? Если только ты способна удержать меня от последнего шага. Ух ты ж черт! Как же скользко. Ну, чуть не загремел, представляешь?

Варя вжалась пальцами в распатанный подлокотник. Сердце подпрыгнуло к горлу.

– Послушайте, Захар Иванович... – Имя какое красивое! Сильное. Основательное какое-то. Хоть и немодное. И голос, вот ведь... даже голос под стать.

– Ну, чего замолчала?

– Пожалуйста, вы же не хотите умереть в самом деле.

– С чего ты это взяла?

– Считайте это профессиональной интуицией. Так вот, пожалуйста, вернитесь в тепло, пока не случилось несчастного случая. Потому что все можно поправить. Кроме непоправимого. Понимаете? Все еще можно поправить.

– Ты мне еще скажи, что после черной полосы непременно последует белая. Банальщина какая! Тьфу!

– А с крыши прыгать? Не банальщина? Топиться...

– Ну, это я маху дал. Нажрался с мужиками в ночлежке, и дернул черт!

– Но что-то же вас все-таки остановило?

– Не что-то. А кто-то. Аленка... дурында, прыгнула в воду.

– Так у вас несчастная любовь, что ли?

– С кем?

Паузы между репликами стали длиннее, как будто мужчине с каждым разом требовалось все больше времени на ответ.

– Так ведь с Аленой этой.

– Какой Аленой?

– Той, что вас спасла!

– Да нет, она замужем за главным в ночлежке, – мужчина сладко зевнул. Варя перевела взгляд на часы. Они проговорили без малого полчаса. Но она так толком и не смогла его вывести на откровенность.

– Что за ночлежка? Вы второй раз о ней упоминаете.

– Так ведь ночлежка для бомжей. А что, бывают какие-то другие?

– Даже не знаю.

В трубке что-то щелкнуло, послышались веселые голоса и смех. Похоже, в ночлежках для бомжей было довольно нескучно.

– Хм, похоже, мы с тобой долго болтаем...

– Уже полчаса.

– Тогда я, наверное, отключусь. А то вдруг кто-то и впрямь убиться решит, а ты на меня свое время впустую тратишь.

– Почему же сразу впустую? Вы, вон, кажется, еще живы.

– Да не собирался я никуда прыгать! А если бы решил – то сделал бы то, что задумал. И никуда бы не стал звонить.

– Но почему-то все-таки позвонили?

– Нашло что-то. Сам не знаю, – мужчина вздохнул.

– А телефон у вас наш откуда?

– Хозяин ночлежки дал.

– Ясно. Захар Иваныч...

– Чего?

– Из ночлежки тоже есть выход. Главное – не опускать руки. Вы звоните, если будет тяжело, или если просто будет не с кем поговорить.

– И че? Будешь за бесплатно ныть бомжа слушать?

– Буду, если вы попадете на меня.

– Ах ты ж черт. Забыл, что у вас конспирация. Так ты мне скажи, когда твоя смена. Глядишь, я и звякну.

– Не могу. Я же объяснила.

В трубке опять послышались голоса.

– Ну, ладно. Настаивать не буду. Пока.

Захар сбросил вызов. Оперся на парапет. Вывалиться отсюда мог только полный кретин. Никакая это была не крыша. А так... почти семидесятиметровая терраса его квартиры.

– Ну, долго ты еще тут жопу будешь морозить? Погнали к девчонкам...

Захар обернулся на голос одного из младших партнеров.

– Да так. Важный разговор был.

Илья поднес к глазам пафосные Ролексы.

– С Токио, что ли? – нахмурился он. Пьяный в жопу, тот все равно пытался поддержать разговор.

– С Токио, с Токио, – хмыкнул Захар.

– Ну, и че там? Я как-то выпал...

– Там все ожидаемо. Фьючерсы на золото дешевеют, нефть падает в цене на фоне доклада ОПЕК, а в Африке вымирают черепахи. – Захар обнял Илью за плечи и подтолкнул к распахнутой настежь двери.

– Че? Какие черепахи? – сонно моргнул тот.

– Да шучу я. Пойдем. Ты к девчонкам хотел.

– А ты?

– А я уже давно ничего не хочу.

– Как это?

– А вот так. Поживешь с мое, узнаешь.

Глава 2

Захар проснулся поздно. По оба бока от него посапывали девицы. Блондинка и брюнетка. Прямо по классике. Только рыженькой не хватало. Захар чертыхнулся, перекатился на бок. Одна из девиц, блондинка, недовольно поморщилась и с силой дернула на себя одеяло, которое Захар, того не заметив, стащил, еще и зажал ногой.

Ну и какого хрена он их не отправил сразу? Зачем вообще это все? Он ведь точно знал, что лучше, после случившегося, ему не станет. Скорей, наоборот, будет еще паскуднее. Он ведь не соврал Илье, когда сказал, что ни черта ему уже не хочется. Даже секса. Даже с двумя по классике, ага... Да хоть со всеми бабами, что притащились к нему на вечеринку. Он мог их всех перетрахать, а перед глазами все равно бы стояла жена. Расхристанная, в наспех наброшенном пеньюаре, в разрезе которого покачивалась красивая, стараниями хирурга, грудь. А на заднем плане, в постели, прикрывая причинное место, возлежал его лучший друг и партнер. Белый, как мел. Какой-то даже... жалкий, что ли? Хотя ему ли об этом судить?

Все было до пошлости банально. Захар вернулся из командировки раньше, чем планировал. Точнее, он даже улететь не успел. Завьюжило. И его вылет отложили на сутки. Конечно, он не стал звонить жене, чтобы предупредить о своем возвращении. Хотел сделать сюрприз. Теперь смешно вспоминать... Сюрприз, конечно, удался на славу, но совсем не такой, как он планировал.

– Захар, ты только глупостей не делай. Мы с Сергеем давно тебе хотели сказать.

А он и не собирался делать глупостей. Он просто не знал, как реагировать. Сюр ведь какой-то. Может, потому что ему это показалось чем-то нереальным, он и не бросился в драку? Не схватился за пистолет, который хранился тут же, во встроенном в стену сейфе?

– Что ж не сказали?

Наташка отвела взгляд. Завязала на тонкой талии поясок.

– Я хотела с тобой поговорить еще до отъезда. Но ты времени не нашел. Я... беременна, понимаешь?

Не от него, ясное дело. Потому что он был бесплодным. Им это много лет назад сказали врачи. Когда Захар стал бить тревогу. Ну, а что? Ему за тридцать пять перевалило. Бизнес процветал. Он был влюблен, как последний дурак. Все логично шло к продолжению. Но год попыток – и ничего. Два... А потом больница, обследование. Их обоих. И диагноз. Приговор ему одному. Потому что для мужика – это действительно приговор, кто бы и что вам не говорил. Захар мог быть каким угодно крутым и успешным в других сферах жизни, но осознание собственного изъяна нивелировало все другие его достижения. Он чувствовал себя ущербным. Неполноценным. Недомужиком. Импотентом, оборудование которого по какой-то ошибке функционировало. Правда, вхолостую.

Их развод совпал с его кризисом среднего возраста. Размышления о смысле бытия, когда у тебя даже продолжения не будет – штука очень токсичная. Захар метался. В попытке забыться взвалил на себя всю работу, которую только мог унести. Теперь, когда они с Сергеем делили бизнес, той было выше крыши. Но потом даже работа перестала его спасать. Что толку в этих проектах, деньгах, сверхприбылях, если их некому оставить? Зачем тогда это все вообще? Зачем ему в принципе жить? Жить, чтобы, что?

Захар стал бухать. Сначала выпивал вечером, потом за обедом или вместо него. До виски на завтрак, правда, не дошло. Но вовсе не потому, что он смог вовремя остановиться. Просто сломался раньше. Когда Наташка с Сергеем разбились. Водитель из нее был никудышный, а в ту злополучную снежную ночь за рулем почему-то была она.

И вот тогда что-то в нем надломилось. Сразу после похорон Захар вышел за ворота кладбища и... пошел. Куда глаза глядят. Потом он узнал, что прошел пешком триста километров.

Свой путь Захар помнил смутно. Он шел и шел, совершенно не думая о конечной точке маршрута. Вообще ни о чем не думая. В голове было пусто и легко. День сменял ночь. Ночь – день. Мимо проносились машины, фуры, гремели прицепы. Иногда он сворачивал с трассы на ответвляющиеся от нее дороги, иногда шел по колее, укатанной между полей. Спал в траве. Что-то ел в придорожных забегаловках. А потом совершенно случайно набрел на ночлежку для бомжей, организованную благотворителями. Там он и провел почти четыре месяца. Почему-то среди этих людей, ему было проще. Те не задумывались о таких глупостях, как смысл жизни. Они просто жили. Одним днем. И он у них учился именно этому. За время, что прошло, у него был лишь один срыв. Как раз тогда, когда он чуть было не утопился. Дернул по пьянке черт. И может, даже хорошо, что дернул. По крайней мере, в его мозгах что-то встало на место. Дыхание смерти оказалось очень отрезвляющим. Захар вернулся домой. К прежней жизни. И хоть она не обрела своего бывшего вкуса, накрывало его теперь не так часто. А вчера он вдруг вспомнил, что прошел ровно год с тех пор, как правда вскрылась. Вот и опять нахлынуло. А тут еще эта метель...

Ой, дура-а-ак! Он, что, правда звонил? В экстренную психологическую помощь?

Захар перелез через девицу и встал. На полу, завязанные в узел, валялись два презерватива. Пьяный-пьяный, а вон, как расстарался. Усмехнулся. Подобрал резинки, чтобы не шокировать домработницу, и поплелся в ванную. Отправил Дюрексы в мусор. Встал под душ. Нанятый дизайнер с какого-то перепугу решил сделать одну стену зеркальной. Захар уставился на собственное отражение. Хмыкнул. Он был вполне нормальным мужиком. Крепким и относительно подтянутым. Ничего отталкивающего в нем не было. Ну, если только вас не отталкивали волосы на теле, потому что в этом смысле природа наградила Захара сверх всякой меры. Короткие густые волоски покрывали его ноги, предплечья, грудь и даже живот.

– Захарчик, ты чего вскочил в такую рань?

Брюнетка бесстрашно шагнул к нему под прохладную воду. Обхватила ладонью поникшую плоть. Хорошо, что он успел помыться. Потому что продолжать совсем не хотелось:

– Не сейчас, – бросил Захар, отстраняясь. – Я деньги на такси оставлю на тумбочке.

– Мудак! – обиженно фыркнула девица. Захар усмехнулся. Ну, а что? Знала ведь прекрасно и на что шла, и ради чего это делала. Правила игры «ты мне – я тебе» никто не отменял. Деньгами он девиц не обидит. А больше... ну, не думали же они, что он с ними станет вести за завтраком беседы о высоком?

Захар обмотал бедра полотенцем и пошел в гардеробную одеться. Башка трещала, контрастный душ не помог. Из-за вчерашней пьянки нерешенными остались несколько вопросов. Он сделал себе кофе, пошел в кабинет, плотно прикрыл дверь, чтобы щебет собирающихся девиц не отвлекал от работы. Открыл сводки, графики... Вспомнил, что забыл перезвонить одному толковому парню, резюме которого ему понравилось. Пролистал список контактов. Черт! Он ведь даже не потрудился записать номер телефона. Набрал первый попавшийся.

– Вы позвонили на горячую линию неотложной психологической помощи. Здравствуйте! Я могу вам чем-то помочь?

Захар отвел трубку от уха и удивленно на нее уставился.

– Представьтесь, пожалуйста.

Мужской голос. Совсем не то! Если бы ему ответил мужчина – он бы в жизни с ним не заговорил. Он и с женщиной не заговорил бы. Если бы не голос... Тот прозвучал как-то странно. Будто она, отвечая ему, куда-то бежала. И это почему-то неожиданно вызвало его интерес. И Захар затаился. А потом её торопливая фраза о том, что их разговор конфиденциальный. Будто женщине на том конце связи действительно было не все равно, зачем он звонит. Будто она не хотела поскорее от него отделаться. Что было бы вполне логично, когда ты рабо-

таешь в какой-то захудалой конторе за сущие гроши. А в том, что там платят копейки, Захар даже не сомневался.

Он вспомнил, как эта тетечка попыталась его отговорить от самоубийства. По факту ничего нового она ему не сказала. Ну, так Захар от нее чудес и не ждал. Он даже не понимал, зачем позвонил. Просто в толпе, образовавшейся у него дома, он вдруг почувствовал себя нестерпимо одиноким... Наверное, это вообще было глупо – бежать в толпу. В ней его одиночество ощущалось намного острее.

– Мне Ольгу надо.

– Ольги здесь нет. Но я могу с вами пого...

Захар оборвал вызов, даже не дослушав. Говорить с кем-то другим ему совершенно не хотелось. Зачем он вообще позвонил? Ах, да... Он искал номер аналитика. Захар тряхнул головой, поморщился, потому что от этого резкого движения боль в висках усилилась. Выругался, в который раз пообещал себе бросить пить и вернулся к работе.

Все следующие дни он, как обычно, пахал. В пятницу съездил к родителям. С тех пор, как его жизнь покатила в тартарары, те здорово сдали. Это тоже давило. Захар чувствовал свою вину за то, что не сумел оправдать их ожидания. Его старикам ведь было по большому счету плевать, чего он в этой жизни добился. А вот внуков хотелось очень.

– Захарчик, ты бы, может, присмотрелся к какой-нибудь девочке с детьми? Разве мало таких? Пригреешь, как своих воспитаешь.

Захар сглотнул ставший поперек горла суп. Мама говорила с ним так... осторожно, как с душевнобольным. Или как если бы боялась его реакции. А ведь не сказать, что он сам об этом не думал. О том, чтобы с кем-то сойтись. Или о том, чтобы в принципе взять детей на воспитание. А хоть бы из того же интерната. Он был близок к осуществлению этого плана. На примете появилась даже подходящая женщина. Та, что спасла его из реки. Но у неё с другим любовь случилась. И он отошел в сторону. Потому что восхищение и благодарность – это одно. А любовь... Любовь – это совсем другое.

Сука любовь.

– Может, мам... Все может быть, – усмехнулся Захар. Потянулся к корзинке с хлебом и уставился на симпатичную открытку в форме сердца.

– Это папа мне подарил! – с гордостью пояснила мать, как будто это был, по меньшей мере, Мерседес. – На День влюбленных! Погоди... Совсем забыла. У меня ведь для тебя тоже кое-что есть!

Захар, конечно, смиренно принял валентинку. Сунул в карман. Но почти тут же засобирался домой. Дурацкий какой-то праздник. И парочек столько... Они преследовали его всю дорогу. Влюбленные и счастливые. Так что первым делом по возвращении Захар опять потянулся к бутылке. Остановился в последний момент. Выругался. Вылил пойло в раковину и, чтобы чем-то себя занять, полез в телефон. Но даже новостные сайты были сплошь в сердцах. Ну, вот и как здесь не свихнуться одинокому человеку? Найти еще более одинокого! На фоне которого твои собственные одиночество и никчемность покажутся пустяком. Захар открыл список контактов и набрал номер, который записал «неОля».

– Вы позвонили на горячую линию неотложной психологической помощи. Здравствуйте!

– О-ба-на! Ну, привет.

– Захар Иванович?

– Ну, ты смотри! Никак меня узнала. Вам там вообще кроме меня кто-нибудь звонит? – засомневался вдруг.

– Звонят. Просто у вас голос запоминающийся. – Захару показалось, что женщина на том конце связи смутилась. – Правда, сейчас уже не такой хриплый. Вы, наверное, вылечились?

– Что-то вроде того.

– Я рада. Признаться, я боялась, что та ваша прогулка по крышам обернется воспалением легких.

– Боялась? За меня, что ли?

– Ну, да... – и вот, опять смущение, которое она, впрочем, очень быстро подавила. – Так чем я могу помочь вам на этот раз?

– Да ничем. Можем просто поговорить. Ты смешная. Или у тебя вызовов много? – спохватился Захар.

– На удивление – нет, – тихо заметила неОля.

– Почему на удивление? – Захар встал. Вытащил зубами сигарету из пачки и снова вышел на террасу, завернувшись в плед.

– Потому что сегодня День святого Валентина. А в праздники обычно всегда аврал.

– Почему? – повторил, затянувшись.

– В праздничные дни люди ощущают свою ненужность острее. Мнимую ненужность, – поспешно исправилась.

– А ты?

– Что я?

– Ощущаешь свою ненужность? Или у тебя кто-то есть? – спросил Захар и только потом подумал о том, как это глупо. У нее могли быть муж, дети или даже внуки. Нет, голос неОли звучал довольно молодо, но ведь это ни черта не означало. – Тебе сколько лет вообще? – добавил поспешно.

– Двадцать четыре! – выпалила девица. – Но вы не должны... Вас это не касается.

Двадцать четыре. Дите совсем. Может, потому и старается. Бомжей, вон, вроде него, спасает. Захар скосил взгляд на расстилающийся под ногами город.

– А вам?

– Я уже старый и потасканный. Так расскажи мне, неОля, что заставило девушку твоего возраста дежурить в День влюбленных на горячей линии для психов? Твой парень не обидится?

– Нет.

– Нет – не обидится?

– Нет у меня парня! Хотя это не ваше дело. И линия эта не для психов.

– А для кого?

– Для всех, кому нужно выговориться.

– Ну, что ж... Тогда давай поговорим.

Глава 3

– О чем же вы хотите поговорить?

– Да пофигу. О чем угодно. Например, я бы с интересом послушал, что заставило молодую двадцатичетырёхлетнюю девочку работать в День влюбленных?

– Я не девочка! – возразила Варя, а потом, осознав двусмысленность фразы, с ужасом замолкла и захлопнула ладонью рот. Если так будет продолжаться и дальше – ей придется крепко задуматься о смене рода деятельности. Ну, нельзя в ее случае... нельзя ляпать что-то бездумно. Она и не ляпала. По крайней мере, до этих пор. Варя только в разговорах с Захаром Ивановичем давала маху. Уж больно его голос сбивал с толку. Она так странно на него реагировала, что это было даже пугающе. В первый раз еще могло показаться, но во второй – вряд ли. Варя скосила взгляд на свою лежащую поверх журнала руку. Кожа вся сплошь в пупырышках. Вот же черт!

В ответ на ее промах Захар Иванович тихо хохотнул. Этот смешок тоже был такой... колючий, что ли? Будто он вовсе разучился смеяться, а она вернула ему эту способность. Варя поежилась и взволнованно облизала губы.

– Мы не должны говорить обо мне, – заметила твердо.

– О чем же нам говорить?

– О том, что вас беспокоит.

Варя поудобнее устроилась на диване. Откинула голову на подлокотник. После небывалого снегопада случилась оттепель. Крыша начала подтекать, отчего желто-коричневые пятна на потолке вновь поменяли свои очертания. Раньше Варя могла в них разглядеть медведицу с медвежонком, а теперь в контурах пятен угадывался одnogорбый растолстевший верблюд.

– Это неинтересно.

– Почему? Очень даже. К тому же до тех пор, пока мы это не выясним, я не смогу вам помочь.

– Ты? Помочь? Мне?

– Я! Вы же для этого мне звоните?

– Вот! Видишь, ты уже понимаешь, что я звоню именно тебе.

С ноги, которой она нервно покачивала, слетела домашняя тапочка и шмякнулась на пол. Варя вскочила. Чуть не выронила трубку из руки, взволнованная просто до предела. Неужели он действительно признался, что звонит именно ей? Нет, конечно, с Варей такое случалось и раньше. У нее были постоянные клиенты, просьбам которых у них в центре пошли навстречу – неходячий ветеран, подросток с кризисом ориентации, и Мира – депрессивная алкоголичка. Но ведь это – совсем другое! А почему, Варя даже себе боялась признаться. Может быть потому, что Захар Иванович не был ни подростком, ни ветераном, ни алкоголиком. Он был мужчиной с красивым голосом, который ее взволновал. И это, конечно, дикая глупость, это ошибка, но... Как остановить чертовы мурашки? Как, скажите!

– Захар Иванович, я буду вынуждена отключиться, если вы продолжите в том же духе.

– Даже если я после этого самоубьюсь?

– Мы оба знаем, что вы этого не сделаете. Так о чем бы вы хотели поговорить?

– Я непременно должен ныть о каких-то проблемах?

– Можно не ныть, а просто рассказать о том, что вас больше всего волнует в данный момент. Зачем-то же вы позвонили.

– Хочешь правду?

– Только зная правду, я смогу вам помочь, – в который раз повторила Варя.

– Ну, смотри. Сама напросилась. Так вот, мне просто хотелось поговорить с таким же неудачником, как я сам.

– И вы решили, что я – неудачница?

– Тогда я еще не был в этом уверен, а сейчас – да.

Варя нахмурилась. Села. Нащупала ногой злосчастную тапку. В ночную смену она могла себе позволить некоторые вольности. Подаренные мамой тапочки на овечьем меху – одна из них.

В трубке вновь зашкварчала сигарета.

– И почему же вы так решили?

Захар Иванович в очередной раз сумел вывести Варю из себя, но, к счастью, она отлично владела голосом.

– Тебе всего двадцать четыре. А ты одна в День влюбленных дежуришь на горячей линии для психов. Что может быть хуже?

– Хуже, чем помогать другим, вы это имеете в виду? Я вам скажу. Гораздо хуже – очерстветь.

Захар Иванович глубоко затянулся.

– Хм. Ты права. Извини. Мудак я последний. У самого дерьмовое настроение, вот и решил испортить его кому-то еще.

– Это нормально, – вздохнула Варя.

– Серьезно?

– Да. Обычная человеческая реакция. С возрастом люди становятся циничнее.

– И сколько же, ты думаешь, мне лет? – закашлялся Захар Иванович.

– Не знаю. А это важно?

– Это ты мне ответь. Важно – нет. Вот, скажем, подкатил бы к тебе сорокалетний потрепанный жизнью мужик, ты бы как отреагировала?

Варя замолчала. Их разговор опять уходил куда-то не туда. Как бы она отреагировала? Как... В минуты отчаяния ей вообще иной раз казалось, что она согласилась бы на любого! Только бы кто-то был. Рядом. Только бы не одной. Чем дольше длилось ее одиночество, тем ниже падала планка требований к мужчине. Когда ей было пять, Варя мечтала о принце из сказки.

– Не знаю, – шепнула она, – я об этом не задумывалась. Захар Иванович...

– Что?

– Вы бы рассказали мне, что у вас случилось. Знаю, вы невысокого мнения о моей квалификации, но поверьте, я смогу вам помочь. Но для этого мне нужны хоть какие-то вводные данные. Как все началось?

– Что именно?

– Когда вы впервые задумались о самоубийстве?

– Когда понял, что жизнь не имеет смысла. – Ну, вот! Вот они и сдвинулись с мертвой точки. Варя подошла к окну, села на подоконник, разглядывая редких прохожих. – Думаешь, я того, совсем ку-ку?

– А что, вы в этом сомневаетесь? – усмехнулась Варя. – Поверьте, здоровые люди сюда не звонят. Психически стабильные благополучные люди вообще не задаются вопросами о смысле жизни.

– А я-то думал, что такие вопросы как раз, напротив, свидетельствуют о моей психической зрелости.

– Вынуждена вас разочаровать. Психически зрелые люди ничего не анализируют. Не рефлексируют. Они просто живут, понимаете? Наслаждаясь эмоциональной стороной своего бытия.

– А если нечем наслаждаться? Если вообще не за что ухватиться?

– Так не бывает, чтобы вообще не за что было. Нужно внимательнее присмотреться.

– Присмотреться? Ну-ну! – усмехнулся Захар Иванович. – А ты сама-то насколько счастлива?

– Я счастлива очень! У меня есть мама, есть любимое дело, даже два... Есть подруги. Вот у вас ведь наверняка тоже кто-то есть. Друзья?

– Был один. С самого детства с ним вместе таскались. В универ поступили один, бизнес замутили...

– Институт? Бизнес? – удивилась Варя, хотя, конечно, не должна была перебивать. Но Захар Иванович оказался совсем не так прост, как она себе думала, и оно само собой вырвалось.

– Да было дело. А ты что думаешь, все бомжи бомжами родились?

– Нет! Конечно, нет. Извините, что я вас перебила. Продолжайте, пожалуйста.

– А че продолжать-то? Был друг – да сплыл.

– Вы что-то в бизнесе, наверное, не поделили?

Варя принялась судорожно соображать, сопоставлять даты. Она слышала, что в девяностые партнеры то и дело друг друга кидали, но если Захару Иванычу всего сорок, бизнес он начал уже в нулевых... Или нет? Да какая разница!

Варя попыталась его представить. Успешным, молодым. Наверное, у него была совершенно удивительная жизнь. Почему она решила, что может ему помочь? Что она вообще знает об этой жизни?!

– Да не. Смешно сказать даже. Не поделили мы с ним бабу. Вот, – усмехнулся. Затянулся глубоко-глубоко. Так что сигарета вновь зашипела в трубке.

Бабу... Это женщину, значит? Выходит, он кого-то любил так, что это его убило. Ну вот, пожалуйста, а говорят, что любви нет! Фантазия Вари не на шутку разыгралась. Она представила женщину. Непременно красивую. Представила, как та мечется от одного шикарного мужчины к другому. Страсти кипят! А те сходят с ума от ревности. Интересно даже, как это – когда тебя любят?

– Захар Иванович, а вы не думали, что можно начать жизнь заново?

– Было дело.

– А если я свяжусь с организациями, помогающим таким людям, как вы, и у вас появится шанс выбраться из ночлежки, вы... попытаетесь вернуться к нормальной жизни?

– Не знаю. – Варя показалось, что Захар Иванович отчего-то занервничал. – Что-то ты меня загрузила, неОля. Лучше о чем-нибудь интересном поговорить.

– О чем же?

– Почему ты решила стать психологом? Только давай без вот этого блаженного дерьма вроде «я хотела спасти всех людей сразу».

Всех людей спасти невозможно. Варя это понимала. Как понимала и то, что с каждой секундой этого разговора ей все больше хочется помочь одному конкретному человеку. Мужчине. Хочется так, что у нее голова идет кругом. И внутри все мелко-мелко дрожит.

– По этому поводу есть анекдот, – вдруг вспомнила она.

– Анекдот – это вещь. Может, когда я позвоню тебе в следующий раз, мы посоревнуемся в том, кто из нас их больше знает.

– Но так нельзя! – запротестовала Варя.

– Почему это? Смех вполне благотворно влияет на психику. А твоя задача – мне помочь. Так, что за анекдот?

Варя тяжело вздохнула, но спорить не стала:

– Учительница говорит: «Изенька, ты единственный в классе ответил, что хочешь стать психологом. Все остальные хотят стать космонавтами». А Изенька отвечает: «Понимаете, Марь

Ванна, большинство детей космонавтами все равно не станут, у них непременно случится депрессия из-за несбывшихся детских мечт, а я тут как тут».

– Значит, ты, неОля, хотела нажиться на неудачниках.

– Это просто анекдот, – стушевалась Варя.

– Да нет, тут как раз все правильно! Подход верный. Но ты не с того начала.

– Почему это?

– Ну, вот, сколько тебе платят на этой горячей линии?

– Захар Иванович! Я не могу это обсуждать.

– Да ладно. Оно и так понятно – копейки.

– Это не означает, что мой выбор – неправильный. Денег мне хватает. Я еще в доме престарелых подрабатываю.

– Иисусе! В доме престарелых?! А туда тебя как занесло?

– Неважно! А еще я развиваю свой блог. За ним будущее, между прочим! В смысле, за социальными сетями... – добавила Варя, в последний момент осознав, что Захар Иванович мог и не знать, что это за зверь такой – блог.

– Да в курсе я. Что ж, ты думаешь, я совсем темный?

– Нет. Что вы.

– И как, получается? Просмотров много?

– Пока нет. Но я не сдаюсь.

Весь их разговор от начала и до конца был неправильный. Варя очень быстро сдала позиции и теперь не понимала, как на них вернуться. Она не была даже уверена, что хочет этого. В трубке повисла пауза. И отчетливо было слышно, как Захар Иванович дышит. Далеко не сразу Варя поняла, что дышит с ним в такт. И когда он негромко спросил:

– Как тебя зовут?

Она выпалила:

– Варя... – Выпала прежде, чем сумела сообразить, что наделала. Выпала и замерла, дыша часто-часто. Вдруг осознав, что ни за что, даже если очень бы постаралась, не смогла бы ему соврать. Чтобы понять, почему так, достаточно было услышать те новые интонации, которые проникли в его голос. Властные, повелительные, наполненные такой сумасшедшей энергетикой, что у нее зашевелились волосы на затылке. Так, наверное, со своей паствой разговаривали лидеры сект. Гипнотизируя и лишая воли. Телом пронесся озноб. Варя отвела трубку от уха и сделала то, что по инструкции не имела права делать ни при каких обстоятельствах – сама прервала разговор. Отключилась. Бахнула трубкой об стол. И накрыла ее двумя руками, как будто этим можно было исправить то, что произошло.

Нет-нет, тут не Захара Ивановича лечить нужно было! Однозначно. Она точно спятила. Какого черта на нее нашло?

Встав на цыпочки, Варя прокралась к двери. Было очень страшно. Страшно, что телефон зазвонит, когда она еще не вернула себе самообладание. Так же крадучись, на носочках, Варвара дошла до туалета, расположенного в глубине коридора. Открыла кран в раковине, здесь недавно сделали ремонт, и плеснула в лицо ледяной водой.

Ничего, все в порядке. Бывает! Не только клиенты попадают в зависимость от психолога. Случается и обратное. Правда, реже. Варя решила, что воспримет это как очередную ступень на лесенке профессионального опыта. Все, что ей нужно – просто избегать дальнейшего общения с Захаром Ивановичем. Раз уж то на нее так действует.

Глава 4

– И че? Ты правда запала на бомжа? – Надя выложила в вазочку варенье из алычи и облизала ложку. На столе, укрытом древней скатеркой, все было приготовлено к чаепитию. В прозрачном чайничке лениво кружили розовые лепестки каркаде, на блюде один на другом громоздились румяные пирожки, которые Наде на работу снарядила мама, липовый мед, и теперь вот еще варенье. Искушение чистой воды.

– Да не запала я! И вообще... что, если бомж – так не человек вовсе?

– Человек, конечно. Разве об этом речь?

– А о чем тогда?

– Ну, не знаю. Просто странно это. Он же старый.

– Ему всего сорок! Раяну Гослингу, кстати, тоже. Но он тебе нравится.

– Ну, допустим, тебе не Раян Гослинг названивает. Слушай, а может, он телефонный маньяк? – Надя разлила чай по чашкам и пододвинула Варю пирожки: – Ешь! Тут с картошкой и ливером, а вот эти более вытянутые – с капустой.

– Не буду, Надь. Ты же знаешь, что я на диете.

– Глупости это все. Зачем себя мучить?

– Была бы я такой худой, как ты – так не мучила бы, – вздохнула Варя, с жадностью наблюдая за тем, как подруга садистски медленно подносит пирожок ко рту и, зажмурившись от удовольствия, впивается в него зубами.

– Да что ж хорошего в костях? Я копчиком трусы протираю. Представляешь? А ты ведь в курсе, почему нынче трусы.

Варя прыснула в кулак:

– Врешь ты все.

– Да нет же! Я серьезно. Протираю. Кому расскажи – не поверят. Копчик у меня выпирает как хвост у зауропода. И позвонки на спине. Агафонов сказал, что я голая похожа на ящера.

– Придурок твой Агафонов.

– Это – факт. Даже не знаю, почему я так долго его терпела.

– А почему все терпят? Вот и ты поэтому. – Варя поколотила в чашке ложкой, отложила ту и заметила зло: – Видит бог, нам, женщинам, нужно перестать заикливаться на мужчинах.

– Думаешь?

– Ага. Как будто все счастье в них, и если он не валяется у тебя на диване, ты и не полноценная вовсе. Ну, разве не бред? И что характерно, это ведь чисто наша славянская фишка. Прямо интересный феномен.

Варя закипала все сильнее. Ее так сильно впечатлила собственная неправильная реакция на Захара Ильича, что она уже несколько дней занималась ее разбором. Ведь это и впрямь интересно. Почему она так отреагировала на мужчину, которого никогда в жизни не видела, и вообще...

– Не хочешь его исследовать?

– Шутишь?

– Почему? Потом напишешь на эту тему какую-нибудь умную книжку. Или запустишь курс в социальных сетях. Назовешь, его, например, «Доколе?». Станешь коучем для одиноких дев. У нас таких знаешь сколько? Да полстраны. А несчастных? С комплексами, которые они вынесли из отношений с идиотами, вроде моего Агафонова.

– Ну, не знаю. Где на это время взять? Мне трех работ выше крыши хватает. Кстати, я не могу дозвониться Лозовскому. Он обещал выделить для наших зажигалочек четыре билета на Онегина.

Зажигалочками у них в доме престарелых называли постояльцев. Это был, если можно так сказать, образцово-показательный дом престарелых. Стараниями фонда, который его поддерживал, старичками всячески занимались. Вывозили на экскурсии, выбивали им билеты в кино и театр, абонементы в фитнес-центры и плавательные бассейны. В общем, обеспечивали максимально достойную и счастливую старость. У Вари была мечта, чтобы такая старость была у каждого в их стране. Для популяризации этой идеи она даже завела блог, в котором делилась видео из жизни постояльцев, их фото, сопровождая те смешными домопрестареловскими байками. В общем, как могла, привлекала внимание к проблеме пожилых, одиноких людей, которые, прожив свои жизни, в конце оказались вообще никому не нужными. Даже государству, которому служили. Ведь среди их постояльцев кого только не было – и заслуженные, и ученые, и орденоносцы. Был даже космонавт. Который, правда, так и не побывал в космосе. Но все же... В дом престарелых, кстати, перебралась и Варина мама. Сказала, что здесь ей веселей. Варя скрепя сердце согласилась, но только потому, что после инсульта Нине Макаровне требовался постоянный медицинский уход. Обеспечить его своими силами у Вари не получилось бы. Ей нужно было работать, чтобы они обе не померли с голоду. Деньги на реабилитацию и лекарства утекали, как вода сквозь пальцы. Но, несмотря на солидный возраст, мать Вари прогрессировала на глазах. А значит, оно того стоило.

– Он тебя, наверное, в черный список добавил.

– Кто?

– Лозовский. Не надоело вам еще с протянутой рукой ходить?

Бурчала Надя скорее для порядка, потому что, когда могла, она и сама помогала волонтерам. Обзванивала потенциальных спонсоров или партнеров. Нравящихся было, конечно, много, но к ним еще нужно было пробиться.

– А какой у нас выход?

– Никакого! – развела руками Надежда. – Ух ты ж черт! Как время летит. У меня через полчаса обход. Надо уколы поставить. Вяземский-то совсем плох стал. Вчера забыл надеть штаны к ужину. И заявился в одном исподнем. У наших зажигалочек случился настоящий праздник. Клянусь, кто-то даже свистел. Надо заметить, не без причины, – добавила, сменив тон на приторно-сладкий, и манерно повела указательным пальчиком, – генерал выправку сохранил.

– Ой, Надька! – рассмеялась Варя. – По тебе театральный плачет.

– А что я? Правду ведь говорю. И это... Ты все же поешь. Куда тебе худеть-то? И вообще, я тут вычитала, что по статистике женщины, имеющие немного лишнего веса, живут дольше мужчин, которые это заметили.

– Слушай, нельзя так ржать! И вообще ты меня совсем заболтала. Мне ведь тоже бежать нужно.

Хорошо, что до второй работы всего полквартиры пешком. Варя поэтому на нее и согласилась. Так и жила. В своем треугольнике безнадёги, как его в шутку прозвали подруги. На одной вершине – дом престарелых, на другой – офис телефона доверия, на третьей – дом – ужасная высотка, в которую их с мамой переселили из маленькой уютной пятиэтажки, запланированной под снос. Иногда Варя думала, что этого её мама и не вынесла. То, что их старенькую квартиру по большому счету отняли. Это было настоящее родовое гнездо. С высокими потолками и несуразной планировкой. Там у них была даже комната, гордо называемая «библиотека». По факту никакая и не комната вовсе. Так, проходной тесный коридор, стены которого были увешаны стеллажами с книгами. Эти стеллажи дедушка Вари смастерил своими руками. Жаль, она его не знала совсем, ведь мать Варю родила очень поздно, почти в сорок восемь, когда ее собственные родители уже несколько лет как умерли. Но Нина Макаровна так много о них рассказывала, что Варя представляла их быт очень живо. К тому же остались письма, что дед Макар присылал жене из дальних экспедиций. И его дневники. Варя впервые их прочитала

еще девчонкой. Сидя в той самой библиотеке в старинном потертом кресле, что стояло в углу, соседствуя с таким же древним торшером – единственным здесь источником света.

– А что будешь делать, если твой бомж объявится?

Варя стиснула в руках лямки рюкзака.

– Буду вести себя согласно должностной инструкции.

– Слушай, а если он...

– Телефонный маньяк? – закатила глаза Варя.

– Да нет! Просто хулиган. И совсем не тот, кем тебе представляется.

– Да он и не представляется. Я из него каждое слово по делу клещами вытаскиваю. А хулиганы, наоборот, сразу выкладывают свою слезливую историю. Обычно на заднем плане в этот момент слышны голоса посторонних. И смех. Этим же придуркам поржать надо, понимаешь? Они для этого и звонят.

– А прикинь, если он и не бомж вовсе?

– А кто?

– Ну, я не знаю. Какой-нибудь заскучавший от роскошной жизни миллионер. Плывет себе по морю на собственной яхте, смотрит печально вдаль и тебе звонит.

Рюкзачок выпал из Вариных рук. Чертыхнувшись, она наклонилась его поднять. Выбившиеся пряди упали ей на лицо, и она сердито их сдула.

– Ну, что сказать? Фантазия у тебя, Надежда, конечно, бурная.

– Нет, а что? Помечтать-то можно. Слушай, а ты не думала с ним встретиться?

– Ты с ума сошла?! Это же противозаконно!

– И что? Тебя за это посадят в тюрьму?

– Нет, конечно. В тюрьму меня не посадят, но с точки зрения психологической деонтологии...

– Ой, мамочки! Где ты слов таких набралась? Ну, не хочешь – и не надо. Как будто я тебя заставляю. К тому же я не исключила варианта, что он – маньяк. Тогда вам встречаться, как ты понимаешь, не стоит.

– Вот-вот, Надь. Ты сначала определись. А то у тебя такой разброс в советах. Ну, все, я побегу.

– Звони, если что!

– Ага. Всем привет. Особенно Вяземскому. Не забудь напомнить ему про штаны!

Варя натянула старенький пуховичок, накинула капюшон и помчалась на другую работу. Идти нужно было вниз по улице. А по той, как весной, растекались ручьи. Нужно было резиновые сапоги надеть. Но прогноз соврал. И ее ботиночки «под замшу» здорово намокли. А, кроме того, от голода у Вари разболелась голова. Вот и как тут посидишь на диете, когда стоит пропустить всего один прием пищи, и давление становится, как у трупца?

– Сергеева, опять опаздываешь!

– Извините, Кир Саньч. Я исправлюсь.

Ничуть не стесняясь начальства, единственного, кто её дождался, Варя плюхнулась на свой стул, сняла ботинки и сунула их под батарею.

– Исправится она...

– Мне никто не звонил? – поинтересовалась будто бы между делом, стаскивая и носки.

– Тебе? У нас тут что, служба «Варвара Сергеева у телефона»?

– Ну, мало ли. Алеша в последний раз совсем нервный был.

Нет, тут она, конечно, не соврала. Когда ты подросток с кризисом ориентаций, как тут не нервничать? Просто... Ждала-то она совсем не Алешиного звонка. Ждала... И в то же время боялась снова услышать Захара Ивановича. А он все не звонил. Со дня последнего их разговора прошло уже больше недели. И Варя, конечно, пыталась себя убедить, что так даже лучше. Но

каждый раз, когда звонил телефон, вздрагивала. Так, что одна из коллег – Алла Станиславовна, в прошлое дневное дежурство даже поинтересовалась, все ли у нее хорошо.

Варя прислонила озябшие ноги к радиатору. Не хотелось совать их мокрыми в тапочки.

– Я уйду! – крикнул начальник, и почти в тот же миг телефон на столе запиликал.

Звонила милая бабулечка, которой нужно было пожаловаться на непутевых детей, потом беременная девушка, которую бросил парень. Три раза кто-то звонил и сбрасывал. Это тоже нормальная практика. Если верить статистике, подобные вызовы сбрасывают в трети случаев. Варя отогрелась, сделала себе чай. В этот раз с сахаром. Она была жутко голодна и уже сто раз себя отругала за то, что не съела предложенный пирожок. Надо было! Когда резь в желудке стала нестерпимой, Варя отправилась в рейд по тумбочкам. Нашла у Кира Саныча засохшие в камень сухари с изюмом. И вот когда она старательно размачивала те в чае, телефон зазвонил опять. Сердце Вари запнулось и пустилось вскачь. Да уж... Если она теперь будет так реагировать на каждый входящий вызов, долго не протянет. Впрочем, может, диета доконает её быстрее. Этот вариант тоже исключать не стоит.

– Вы позвонили на горячую линию неотложной психологической помощи! Здравствуйте.

– Привет, Варвара. Я уж думал, ты со страху уволилась.

– Варвара? Какая Варвара? Вы ошиблись. Здесь таких нет. – Варя растерялась, нутро будто обожгло кипятком, и она принялась пороть какую-то чушь. Опять.

– Брось. Тебе вранье не идет.

– Откуда вам знать, что мне идет, а что – нет?

– А я людей как-то, знаешь... чувствую, что ли?

Варя сглотнула. Подтянула колени к груди. Чертовы мурашки вновь выбрались из своих нор и отправились в забег по телу.

– И что у вас случилось на этот раз?

– Да ничего. Вычитал вот, что у японцев появился новый министр, который будет решать проблемы одиноких людей.

– Министр одиночества?

– Красиво звучит. Правда? Вот бы нам такого...

– Не знаю, как там в Японии, но от наших чиновников ничего хорошего ждать не приходится. Вот есть у нас министр социальной защиты, или как там его? И что? – неожиданно горячо включилась в диалог Варвара.

– Что? – затаился сигаретой на том конце связи Захар Иванович.

– Ну, вот вы в своей ночлежке сильно их защиту чувствуете?

– Да не особо, – усмехнулся тот.

– Вот и у нас в доме престарелых так же. Рассчитываем на себя и на спонсоров. Завтра опять пойду с протянутой рукой. К Лозовскому – за билетами в театр. К Ковалю, те выделили две инвалидные коляски. А нам нужно три.

И как-то так вышло, что в тот их разговор Варя только то и делала, что болтала. Будто это ей нужно было выговориться, а не Захару Ивановичу. А он слушал. И только редко что-то уточнял. От этой их беседы у неё осталось странное послевкусие...

– Продиктуй мне свой номер, – велел Захар Иванович в конце.

– Я не могу, – запротестовала Варя.

– Бред. Все ты можешь. Если мне экстренно понадобится с тобой поговорить, тогда что? Сюда по сто раз на дню звонить? Твоим коллегам, что, больше нечем заняться, кроме как на мои звонки отвечать?

– Я не знаю... – совсем уж сникла Варя.

– Варь, номер. В конце концов, если я тебе надоем – отправишь в бан.

А что? Очень здравая мысль. Варя зажмурилась и тихо продиктовала заветные цифры.

Глава 5

– Ну, ты еще долго будешь гипнотизировать свой телефон?! Мне его уже выкинуть хочется, правда!

– Извини... – виновато шепнула Варя, возвращая новенький смартфон в карман куртки.

– Да ну тебя! Лучше скажи, что все-таки будем брать?

– Ты о чем?

Варя моргнула. Обвела потерянным взглядом ассортимент цветочного, как будто и впрямь не знала, чего от нее хотят. А требовалось ведь совсем немного. Просто забрать цветы, которые спонсоры обещали предоставить для поздравления зажигалочек с Восьмым марта.

– Э-эй! Прием! – Надя пощелкала пальцами перед Вариным носом, – владелец сказал, что мы можем выбрать либо букетики из трех тюльпанов, либо по одной розе на каждую. Ты что, вообще ничего не слышала?

Варя виновато покачала головой.

– Лучше, наверное, тюльпаны. Розы, конечно, красивые, но на дворе весна.

– Давай, – согласилась Надя и потянулась к вазе. В этот момент кто-то с силой толкнул ее в спину. Надежда пролетела с полметра и только каким-то чудом удержалась на ногах, в последний момент ухватившись за Варину руку.

– Эй! – возмутилась громко.

– Извините. Я вас не заметил, – проблеял высокий и тощий как жердь парень.

– Да ты Плутон должен был увидеть с такими-то линзами, а ты не заметил меня?!

Надька воинственно выпятила вперед тощую грудь, парень попятился.

– Мне очень жаль. Просто народу много. Не протолкнуться ведь.

– Поэтому ты решил потихоньку от него избавляться? От народа-то?

– Надька, прекрати! Ты что, не видишь, он полностью деморализован, – хохотнула Варя.

– Ха! Вот что за мужики пошли? Я его шуганула, а он и хвост поджал. – Надя таки дотянулась до вазы с цветами и принялась машинально отсчитывать нужное им количество, бросая на парня долгие взгляды из-под ресниц. Варя процесс работы снимала на телефон. – Знаешь что?

– Что?

– Думаю, он пришел за букетом своей мамуле. Точно тебе говорю. Маменькин сынок.

– Ну, не знаю. – Варя уставилась на цветы, выключила запись и отложила в сторону парочку тюльпанов, лепестки которых замялись: – Надь, ты лучше старайся выбирать. Не то завянут быстро.

– Они и так быстро завянут. Потому что не от чистого сердца.

– Глупости! Наши старички своим подружкам будут их дарить от души, а от какого сердца нам цветочки на халяву достались – дело третье. Надо попросить завернуть их в бумагу.

– Зачем? Тут бежать десять метров. Поди, не замерзнут.

– Ну, как знаешь. Тогда неси к кассе. И вот же опять завядший. Куда ты только смотришь, Надь?

Смотрела Надежда на парня. А тот на нее. Но подойти и начать знакомство как-то по-новому не решался. Их переглядывания тянулись столько, сколько им упаковывали цветы, но дальше дело как-то не двигалось.

– Ну, чего стоишь? Пойдем, – сникла Надежда. – Не осталось нормальных мужиков. И знаешь что? Это мы их разбаловали.

– Мы?

– Ну да! Возомнили о себе невесть что. Даже твой бомж...

Варя толкнула дверь, ведущую на улицу, над головой весело зазвенел колокольчик.

– А что мой бомж?

– Тебе не звонит! Вот... вот до чего мы дожили. Бомжи и те харчами перебирают.

– Если бы так.

– Если бы? Ты с ума сошла?

– Нет! Просто боюсь, как бы с ним чего не случилось. Он же... – Варя осеклась. Не знала, как объяснить подруге то, что у нее внутри кипело. Он же суицидник. И пусть в последний их разговор он больше не угрожал расправой, пусть больше слушал ее, а когда говорил, звучал вполне стабильно, но... Если эта мысль уже засела ему в голову, ожидать можно было чего угодно! А она вместо того, чтобы пораспрашивать Захара Ивановича, выискивая проблему, загрузила его своими. Вот так. И наверняка ведь что-то пропустила. Сто процентов был какой-то сигнал. Вот уже почти две недели она перебирала в памяти их последний разговор. И ругала себя, так ругала! А он ни на горячую линию не звонил, ни ей. Может, телефон неправильно записал? Или ему надоели их разговоры? Тогда зачем он попросил ее номер? А она?! Она чем думала, когда тот диктовала? Знала бы, как сильно будет ждать его звонка, что вся ее жизнь вне работы сконцентрируется на этом чертовом ожидании, так... что? Не давала бы?

– Ой, а это еще откуда? – вскинулась Надя у самого входа в дом престарелых.

– Похоже, доставка.

Варя с Надей уставились на Газель, припаркованную у самого крыльца.

– Смотри-смотри! И коляска инвалидная... Как думаешь, что в этих коробках?

– Не знаю. Но коляска... черт! Это же настоящий вездеход. Ты видишь то же, что и я?

– Погоди, я это засниму для истории.

Взбудораженные происходящим, девушки заскочили в распахнутую настежь дверь. Весь коридор выхолотился, пока грузчики таскали коробки. Заведующая домом престарелых – Серафима Георгиевна, командовала разгрузкой, четко, слаженно, как никто кроме нее не мог. Из дверей общей комнаты, расположенной на этаже, выглядывали головы постояльцев. Те были тоже взбудоражены случившимся событием.

– Варька! Надо прятать цветы, сейчас же нас спалят.

До торжественного мероприятия, запланированного на два часа дня, было еще несколько часов, поэтому подарки действительно светить не стоило. Варя юркнула в общий для всех кабинет. Кто-то заблаговременно набрал в ведро воды. Они опустили тюльпаны в воду и пошли все же узнать, что происходит.

– Неужели Коваль расщедрился, м-м-м, Серафима Георгиевночка? – первым делом спросила Варя.

– А бог его знает. Это – анонимное пожертвование. Представляете?

– Чудеса! Вот все же хорошие у нас люди, правда?

– Ага. Хорошие. Делишек темных натворят, а потом добро делают, в надежде, что им это зачтется, – пробурчала Надя.

– Ну, а нам-то до этого что? – улыбнулась Варя. – Смотрите, в этих коробах Рафаэлло. Их мы можем к нашим подаркам добавить, правда, Серафима Георгиевна?

Подарки в этом году были более чем скромные – коробочка душистого мыла ручной работы и шелковый шарфик. Рафаэлки бы точно не помешали.

– Ну, если успеете разложить по пакетам. А нет – станем выдавать за ужином. По коробочке на два стола.

– Успеем-успеем!

– Ты не забыла, что нам еще самим надо нарядиться? – заныла Надя, расставляя те самые пакеты вдоль стены.

– Ну, конечно. У тебя косметичка с собой?

– Ага. И щипцы взяла, завить волосы. Правда, у меня Дана Александровна их одолжила.

– Кажется, у них с Вяземским все серьезно.

– А толку? – вмешалась в разговор еще одна сотрудница. Ее должность носила довольно неопределенное название «социальный работник». Да и чем она занималась, тоже, надо сказать, никто не знал. Ладно сиделки, врач, психолог, санитарки, медсестры... Тут результат, как говорится, налицо. А эта, хорошо, если согласится обзвонить спонсоров.

– В каком это смысле? Может, они поженятся.

– Ага! Поженятся. Как же! Он недавно штаны к ужину забыл надеть, а ты говоришь – жениться.

Надя с Варей переглянулись.

– Сучка, – так, чтобы никто посторонний её не услышал, шепнула Надя. Варя повела плечами. Потому что спорить ей с этим не хотелось. Сучкой их Рита и была. Всему их дружному коллективу поперек горла.

– Интересно, кто все же нам гуманитарку прислал, – сменила тему Варя.

– Ясное дело, кто! Коваль. Не зря же я его вчера уламывала.

В этом была вся Рита. Присвоить чьи-то заслуги себе. И пофиг, что никаких доказательств тому, что это сделал именно Александр Николаевич, не было. Как и повода думать, что это действительно он. Ведь раньше Коваль предпочитал действовать в открытую. Прихвастнуть своей несказанной щедростью и добротой перед избирателями в Твиттере для него было обычным делом.

Закончив раскладывать Рафаэлки, Варя, наконец, взялась за себя. Подкрасила ресницы, расчесала брови и даже прошла блеском по губам. В обычной жизни она красилась редко, но после работы девчонки собирались вытащить ее в кафе в честь наступающего праздника, и нужно было как-то им соответствовать.

– Давай тебе волосы завьем?

– Да ты что? Полдня на это потратим. Пойду лучше гляну, как там мама.

С утра, когда Варя в последний раз ее видела, ничего не изменилось. Нина Макаровна была бодра и улыбчива. После инсульта ее лицо немного перекосило, и улыбка будто съехала в бок. Но уже то, что она могла улыбаться, было прекрасно. Варя поправила бант на платье матери, помогла им с подружкой спуститься в актовыв зал и убежала. Потому что принимала участие в развлекательном номере, который они организовали к празднику. Их ожидания оправдались. Все прошло как нельзя лучше. Вечеринка удалась на славу. Подарки понравились. Как и праздничный обед. Тот был, надо заметить, с претензией! Их повар Катерина Степановна решила, что праздничный ужин должен быть небанальным. И приготовила несколько блюд из итальянской кухни. Зажигалочки нововведения в меню оценили по достоинству. Даже оперная дива, которой в свое время удалось пожить в Италии, отметила, что провокация удалась. Но потом, правда, пожаловалась, что под бокальчик вина шла бы эта вкуснятина как-то лучше.

Варя улыбнулась. Уставилась в свою тарелку (ага, сотрудникам еды тоже досталось) и вдруг поняла, что она нормально поела впервые за много дней. А то как-то совсем кусок не лез в горло.

– Одно непонятно, зачем нам теперь в кафе? – спросила у Нади.

– Ну, мы туда не пожрать ходим. Так даже лучше – сэкономим на еде, купим выпивку подороже. Если не найдем дурака, который нас угостит.

– Ага, прям полно дураков... – вздохнула Варя и снова потянулась к телефону.

– Так! Если ты и в кафе будешь над ним медитировать, я обижусь! Серьезно.

– Не буду. Я вообще о Захаре Ивановиче не думала. Хотела сториз для Инсты сделать. Ты сама мне о нем напоминаешь, заметь!

– А тебе совсем не кажется подозрительным, что гуманитарка к нам нагрянула как раз после того, как ты поныла своему бомжу о наших проблемах?

– Ну и что? Так просто совпало.

– Нам привезли все, что ты озвучила.

– Кроме Рафаэлок, – фыркнула Варя.

– Ну, вот и смейся! А мне все равно кажется, что никакой он не бомж.

– Ага! Олигарх, – хохотнула Варя и оборвала себя тут же, закусив губу. Надежда, конечно, выдумщица. Но она тоже хороша... Так привязаться к незнакомому опустившемуся человеку, всего после трех разговоров, могла только полная дура. Ну, почему? Почему он ей больше не звонит? Глядишь, если бы она убедилась, что у него все хорошо, ее бы отпустило. Ведь, скорее всего, так проявлялось волнение о его судьбе. И ничего больше.

– Так, Варюх, я бегу за нашими куртками. Ты отходишь второй, чтоб нас не заметили – рабочий день-то еще не закончился.

Не закончился! Впрочем, в праздник в их услугах особенно и не нуждались. Поэтому все, кроме дежурных, разбегались кто куда под шумок. Пока Надя ходила за куртками, Варя попрощалась с мамой. И кивнула двум нянечкам, знаками давая понять, чтобы они тоже потихоньку выдвигались. Столик у них был заказан на шестерых. В неплохом кафе, расположенном в доме через дорогу. Навстречу им спешили улыбающиеся женщины. В руках почти у каждой – букетик цветов. Накануне праздника на работе поздравляли всех, без исключения.

– Такое чувство, что только нам цветов не подарили, – мрачно заметила Надя, когда их проводили к столику у окна.

– Ты что? У нас в штате четыре мужика! Торт купили – и молодцы. А ну, даже каждой по тюльпанчику... Обанкротились бы.

– Как пить дать. С нашими зарплатами, – соглашаясь, закивала Анжела, разведенная мать-одиночка тридцати лет. – Мне Игорек в саду обязательно цветочек из цветной бумаги сделает.

Официант принес напитки.

– А мне папа букет подарит. Он всегда просыпается рано утром и идет в цветочный, – вздохнула Надя.

– А мне вообще никогда не дарили цветов.

– Серьезно? – округлили глаза подружки. И Варя вдруг почему-то стало так стыдно. Как будто это ее вина.

– Ну, да. Как-то так получалось, я либо уже ни с кем не встречалась к Восьмому марта, либо еще.

– Ой, а я вам рассказывала, как мой Агафонов однажды со мной поругался седьмого? А потом пришел девятого мириться? Нет? Это я уже потом поняла, что это был тактический ход. Чтоб не дарить мне подарка.

Девчонки захохотали. Но громче всех смеялась сама Надежда.

– А давайте выпьем за то, чтоб орлы не падали, а козлы, вроде Агафопова, не летали!

– И не подумаю! Вообще не подумаю за них пить. Это женский праздник. Так что за нас, мои дорогие. Как говорится, ура!

Бокалы звякнули, Варя сделала несколько глотков. Она долго выбирала коктейль и в итоге не прогадала. Тот был приятно освежающим.

– Девочки, у кого-то телефон звонит!

Варя облизала губы. Прислушалась. Непослушной рукой отставила от себя пойло.

– К-кажется, это у меня!

Глава 6

– Ты куда теперь?

– Домой.

– Может, в клуб? Скука смертная!

– Я пас. Устал страшно. Завалюсь спать.

– Ну, смотри. Так даже лучше. Там сегодня, наверное, битком. И куча баб навеселе – то еще счастье.

– Ты о чем? – Захар отвлекся от документов, которые запихивал в портфель, и недоуменно уставился на помощника. Последние недели выдались просто адскими. Он только-только вернулся из Лондона, и все никак не мог войти в колею.

– Ну, привет! Сегодня седьмое. – Захар нахмурился сильнее. – Седьмое марта, алло! – Илья закатил глаза. – Ты что, не заметил, сколько букетов в офисе?

– Черт... А я никого не поздравил.

– Ну, и хрен с ним. Наши девочки квасить начали сразу после летучки. Поверь, им и без твоих поздравлений отлично.

– А премию мы им выписали?

– Ага, – Илья широко зевнул. – И ресторан заказали. Я в «Севен» договорился. Помнишь, рестик на тридцать пятом? Народ потихоньку перетекает туда.

Захар скосил взгляд на часы. Всего пять. Рабочий день в разгаре. А впрочем, у них в фирме никогда не придерживались какого-то четкого графика. Главное, чтобы работа делалась. А для этого нужно было находиться в процессе нон-стоп.

– Значит, спущусь поздравить.

– И, кстати, мы сегодня отправили то, что ты просил.

– А поконкретней? – Захар растер лицо ладонями.

– Тебе точно не мешало бы отдохнуть, – покачал головой Илья. – Я о доме престарелых. Помнишь, ты дал команду? Или не надо было? – вздернул брови Илья.

– Нет-нет. Надо, конечно. Спасибо. Оперативно ты.

– Стараемся. Слушай, а давай тогда вместе заскочим девчонок поздравить? Я, может, даже и задержусь. Душа что-то требует праздника.

– Так устрой, раз требует.

– Ага. Только пальто возьму.

Захар кивнул. Стоило Илье захлопнуть за собой дверь, достал телефон и с сомнением провел пальцем по списку контактов. Они не говорили с Варей вот уже две недели. И да, у него, конечно, было много работы, но не звонил он ей совсем не поэтому. Взяв паузу, Захар пытался понять, зачем вообще это делает. Ну, ладно тогда, на террасе, у него в первый раз крыша ехала. Но потом... Потом он ей позвонил, потому что ему понравились их беседы. Понравилось спорить с ней. Понравилось ее дразнить. Понравилось то, как она реагировала и что ему говорила. Хотя, казалось бы, что может быть в голове у двадцатичетырехлетней девочки? А там было много. Хотя и наивной она была жутко. И может, этой жуткой наивностью, своей какой-то бесхитростной простотой она его и заинтриговала? Ну, где сейчас такое встретишь? Не в его кругу – так точно. Вот почему ему эти разговоры ни о чем – как глоток воды родниковой.

Особенно приятным было то, что Варя не знала, кто он на самом деле. Захар мог говорить все, что думает, не боясь показаться ей слабым. Вздорным. Немужественным. Или злым... Он мог делиться тем, что наболело. Свободно рассказывать ей о том, как опустился на самое дно. И не бояться её осуждения. Телефон все стерпел бы. И ее уши. А в его кругу... В его кругу говорить о таком было не принято. Здесь слабости не прощались. Вообще. Он даже предста-

вить не мог вот такого разговора, как у них с Варей, с любой другой знакомой ему женщиной. Пытался. Но не мог представить...

А еще его заинтересовали рассказы о ее жизни. То, какой незамысловатой она была. Какой простой, в общем-то. Рассказы Вари напоминали ему о детстве, было в них что-то удивительно теплое, из той жизни, когда и для него все было проще простого. Когда ничего на него не давило. Ни опыт, ни деньги, ни ответственность за других, ни предательство, ни размышления о смысле своего существования, чтоб им пусто было! Варина жизнь ему казалась чем дальше, тем привлекательнее. Ему хотелось в нее окунуться.

Захар скользнул пальцем по экрану и прижал трубку к уху:

– Аллю!

– Ну, привет. А как же «Вы позвонили на горячую линию неотложной психологической помощи! Здравствуйте»?

На том конце связи повисло молчание. В котором Захару довольно отчетливо были слышны чужие отдаленные голоса, звон приборов и взрывы смеха. Очень поздно дошло, что не одни они сегодня корпоратив гуляют, и что он наверняка выбрал не самое лучшее время для звонка.

– Варя, ну кто там? Он?

– Это он, девочки-и-и-и, я вам говорю, – различил в шуме голосов. Потом кто-то шикнул, послышались смешки.

– Но вы звоните не на горячую линию, – все же подала голос Варя.

– Извини, я, наверное, не вовремя. У тебя там, смотрю, веселье в разгаре.

– Эм... Сегодня седьмое. Меня подружки с работы вытащили в кафе.

– Тогда не буду тебе мешать.

– Нет! Что вы, я... – в трубке послышалось эхо, как будто Варя куда-то вышла из зала.

– Все нормально? У вас...

Интересно, кто тот парень, чьего звонка она ждет?

– Да вроде неплохо. Пока, как видишь, не помер.

– Это хорошо. А то вы не звонили, и я уже начала волноваться.

– Работы было много, – ляпнул Захар, прежде чем успел подумать.

– Правда? Вы нашли работу? Это же замечательно! Поздравляю. И заметьте, я вам говорила, что жизнь наладится. А вы мне не верили.

Захар усмехнулся. Откинулся затылком на подголовник кресла, а ноги закинул на стол. Нет... Не будет он ей признаваться. Пусть она и дальше пребывает в заблуждении. Не то ведь перестанет. И шутить с ним, и дерзить. И жизни учить. Зажмется, закроется. Станет роль какую-то нелепую отыгрывать. А в этом ведь для него весь смак – в том, что она настоящая. Если для этого ему нужно притвориться бомжом – пожалуйста.

– Что ж тут хорошего, Варвара?

– А плохого что?

– Раньше целый день на диване лежал, как белый человек, а сейчас спину гну, как раб на галерах.

– Спину гнете? У вас что там, нарушения КЗОТ? Вас хоть по закону оформили? Или так? Вы без оформления не соглашайтесь, Захар Иванович, не то ж пенсии не заработаете. Если хотите, я могу вас с моим юристом свести. Он проконсультирует, если надо. И вообще...

– Ничего себе! У тебя и юрист свой есть? Ты точно психолог? Или, может, рецидивистка какая?

– Ну, раз вы не утратили способность шутить, значит, не все так плохо на работе. А юрист – это наш домопрестареловский. Она же делопроизводитель на полставки. Так что вы подумайте. Если надо – я договарюсь. Без шуток.

– Эко ты печешься о моей судьбе. Даже как-то странно.

– А что тут странного?

– Да вроде как и ничего. Но с другой стороны, чудно. Я же тебе абсолютно чужой. Или... ты ко мне прикипела, а, Варвара? – Нет, этого, конечно, не могло быть. Но только так Захар мог себе объяснить, почему она тратит на него свое время. – Эй... Ты здесь? Варя!

– Знаете, давайте лучше вернемся к цели вашего звонка.

– Да нет у меня никакой цели! Просто тебя услышать хотел.

– Выходит, вы тоже ко мне прикипели, а, Захар Иванович?

– Так чему ты удивляешься? Сама же мне об этом твердила.

– О чем? – голос Вари прозвучал как будто испуганно.

– О том, что клиент частенько привязывается к своему психологу. А у нас, получается, созависимость. Ну, что ты на это скажешь?

Дверь в кабинет Захара открылась, заглянул Илья. Захар выставил перед собой указательный палец, минутку, мол. Тот кивнул в сторону приемной, давая понять, что подождет там.

– Скажу, что вы апеллируете очень умными терминами.

Захар хмыкнул. Поднялся из кресла, понимая, что нужно их диалог сворачивать. И её уже подружки заждались, и ему пришла пора выдвигаться домой. А прежде еще заскочить своих дам поздравить.

– А этот парень...

– Какой парень?

– О котором твои подружки трещали. Он не будет тебя ревновать?

– К чему? – голос Вари стал совсем тихим-тихим.

– К тому, что я тебе звоню.

– Вы не звонили. Две недели.

– Так я же сказал. Проблемы навалились. А теперь я намерен это делать регулярно.

– Но ведь вам моя помощь психолога и не нужна совсем.

– Ну, тебе, может, тоже не нужно тратить на меня время. А вон, какой занятный у нас выходит диалог. Так, что? Я наберу тебя попозже? Или ты меня сейчас сразу в бан отправишь?

– Нет! Что вы... Я... – Варя совсем стушеввалась. Захар понятия не имел, как та выглядит, но почему-то не сомневался, что в этот момент она кусает губы. – Звоните, если хотите.

– Так, значит, парень не против?

– Нет у меня никакого парня. Это мы еще четырнадцатого выяснили.

– С тех пор прошло много времени. Уже мог кто-то и появиться.

– Но не появился.

– Тогда до связи.

– Берегите себя.

Берегите... Ему никогда и никто так не говорил. Только мама.

– С кем ты трещал так долго? – возмутился Илья.

– Да так. Личное. Не бери в голову.

– Личное? – Илья с намеком поиграл бровями.

– Не то, о чем ты подумал, – жестко оборвал помощника Захар. А может, и не надо было? Пусть бы верил в то, что шеф оклемался. Глядишь, и на фирме бы потихоньку узнали. И перестали бы шушукаться у него за спиной, потому что ничего унижительней этого не было. Все ведь были наслышаны о подробностях его развода. Те как-то не получилось скрыть. Это вообще нереально сделать, когда твоя жена переезжает от тебя к партеру, и вы начинаете делить с ним бизнес. Плюс Наташка, желая как-то себя оправдать, разболтала подружкам, что он бесплодный. А дальше на отлично сработало сарафанное радио. Жалели, надо сказать, обоих. И её, и его.

Настроение испортилось в один момент. Он уже не хотел никого поздравлять. Но сворачивать с намеченной цели было глупо. Пересилив себя, зашел в ресторан. Коллеги тут же загу-

дели, замахали руками, как будто он мог не заметить их шумную компанию и пройти мимо. Тут же прискакал официант. Поставил перед ним чистые приборы.

– Я буквально на пять минут, дамы. Не хочу портить вам настроение своей страшной мордой...

– Ну, что вы, Захар Иванович, вы у нас – красавчик!

– Лесть, конечно, наглая, но приятная...

Необходимость шутить и развлекать собравшихся отнимала последние силы. Захар произнес остроумную речь, пригубил шампанского – за рулем сегодня он был сам, так что большего себе просто не мог позволить, и хотел было уже откланяться, когда к их столику подошла высокая симпатичная женщина. Четко вычислив, кто оплачивает этот банкет, она направилась прямо к нему. Поздоровалась. И представилась. Оказалось, перед ним – управляющая.

– Что? – в общем гомоне Захар не сразу понял. – Перебои в поставке спаржи?

– Именно. Наш ресторан приносит извинения. И предлагает на выбор несколько других вариантов гарнира.

– Да без проблем. По-моему, все уже и без спаржи сыты. Несите что угодно, на свой вкус.

Как же чертовски он устал! Еще и спаржа эта. Ты подумай. Захар усмехнулся. Перед тем как уйти, сходил в туалет. И поплелся напрямик к гардеробу, решив, что его ухода никто не заметит. А у лифта столкнулся все с той же управляющей.

– Уже уходите? – заученно улыбаясь, поинтересовалась она, шагая вместе с ним в кабину.

– Угу. Не хочу смущать народ своим присутствием.

– Надеюсь, инцидент со спаржей не испортил веселья. Еще раз приношу извинения от имени ресторана.

– Вы же вроде не на работе уже?

– Да, – занервничала молодая женщина, поправляя воротничок дорогого пальто.

– Так что вы все извиняетесь?

– Наверное, потому, что официально моя смена еще не закончилась, – усмехнулась.

– Что ж, тогда, надеюсь, причина, по которой вы ушли в самоволку – уважительная, – бросил напоследок Захар. Необходимость поддерживать беседу его нервировала. Хотя девушка вроде особенно и не навязывалась.

– Сын заболел, – бросила та и замолчала, чутко уловив его настроение.

А на стоянке оказалось, что у них даже машины припаркованы рядом. Расселись. Захар откинул голову на подголовник, давая себе пару минут на то, чтобы собраться с силами, прежде чем тронуться в путь. Зевнул. По радио играл какой-то новомодный рэпчик. Какого черта? Он чуть сместился, чтобы переключить волну. И в этот момент увидел, как девушка выскочила из салона, обошла свою тачку и зачем-то открыла капот. Каким бы уставшим он ни был, Захар вышел посмотреть, что случилось.

– Что такое?

– Не заводится. Черт! И такси не вызвать. В этом подземелье ни черта не ловит!

Захар покрутил брелок на пальце, скосил взгляд на часы. Вздохнул.

– Ну, что ж, похоже, сегодня я – ваша добрая фея. Запрыгивайте. Подвезу. Только, пожалуйста, скажите, что вы живете где-то неподалеку.

Девушка откинула темноволосую голову и рассмеялась:

– В четырех кварталах. Ну, как? Далеко?

– Нет. Четыре квартала я надеюсь проехать, не уснув.

Глава 7

Пока Варя болтала с Захаром Ивановичем, веселье за их столиком набирало обороты. А ей уже ничего не хотелось. Только домой, ведь он обещал перезвонить попозже. Впрочем, бросить девчонок в разгар вечера Варя не могла. Подавив вздох сожаления, она вернулась на свое место и спряталась за бокалом с коктейлем.

– А Надежда где? – опомнилась вдруг.

– А вон, – кивнула Анжела. – К ней какой-то парень подкатил. Она и рада стараться.

Варя оглянулась и увидела прелестную картину – Надя болтала о чем-то с тем самым очкариком из цветочного. То ли он выследил их, то ли встреча была случайной – непонятно. Да и какая разница, если Надя от этой встречи пребывала в абсолютном восторге? Нет, конечно, она старалась не подавать виду, как она рада, и, может, очкарика ей удалось провести, да только Варя считывала ее настоящие эмоции влѣгкую. Возможно, потому, что прямо сейчас и сама испытывала нечто похожее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.